

УДК 1:316

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОГО КОНФЛИКТА

Н.А. Стеклова

Саратовский государственный университет
E-mail: natalya-steklova@yandex.ru

В статье представлена специфика коммуникационного конфликта и виртуального человека в пространстве современного глобального мира. В работе сделан вывод о том, что необходимо социально-философское осмысление коммуникации в связи с тем, что связано с раскрытием идентичности человека, его ценностных установок.

Ключевые слова: коммуникация, конфликт, глобализация, виртуальная реальность, Homo Virtualis, информационная война, элита, риск, диалог, коммуникационный конфликт.

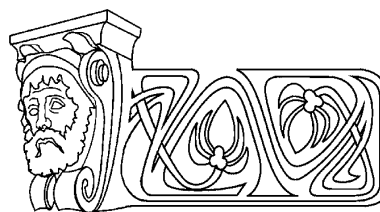
The Conceptual Bases of the Communication Conflict

N.A. Steklova

In article we present the specifics of the communication conflict and virtual person in the modern global space. In this context, concluded that it is necessary social-philosophical understanding of this phenomenon, especially since the problem of communication is connected with the disclosure of the identity of the person, their valuable installations.

Key words: communication, conflict, globalization, Virtual reality, Homo Virtualis, information warfare, elite, risk, dialogue, communication conflict.

Человек, выступая одновременно актером и сценаристом рискогенных ситуаций, все чаще оказывается в пространстве вызовов и ответов, инициированных его практическими действиями, социально ориентированными в убыстряющихся, благодаря информатизации, ритмах жизни. Новые информационно-коммуникационные технологии воздействуют на все структуры общества, образ жизни и сознание людей. Коммуникационность становится существенной социально значимой компонентой общественного бытия. Но одновременно она может нести в себе признаки рискогенности – в том случае, например, если возникает коммуникационный конфликт. Известный принцип постиндустриального общества: кто владеет информацией, тот владеет миром, не теряет своего смысла в XXI в., особенно в связи с распространением информационных войн как выражения коммуникационного конфликта. Ценности виртуального мира остав-

ляют за кадром общечеловеческие ценности – долг, честь, достоинство. Поэтому необходимо философское осмысление того, с какими опасностями встречается человек, вступивший на путь тотальной информатизации и глобализации.

Информационные революции подразумевают совокупность качественных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, происходящих в результате внедрения новых средств передачи информации. Современное видение мирового процесса все больше концентрируется на понимании того, что информационные революции характеризуют наиболее крупные переломные этапы в истории человечества. Так, например, Э.Томпсон в своей книге «Третья волна» уверен в том, что в революционный период перехода к информационному обществу необходимо подготовить человека к быстрому восприятию и обработке больших объемов информации, овладению им современными средствами коммуникации, методами и технологиями работы. Он предупреждает о новых социальных конфликтах, опасностях, глобальных проблемах, с которыми столкнется человечество на рубеже XX–XXI вв.¹ Новые условия работы порождают зависимость информированности одного человека от аналогичных процессов, происходящих с другими людьми.

Таким образом, коммуникационность – это свойство сознания устанавливать различные каналы связи для интегративного потока информации. Коммуникация – это социально обусловленный процесс формирования канала, посредством которого поток информации, достигая цели, вызывает определенное взаимодействие, способное вызвать конфликт. Конфликт – открытое противостояние сторон как следствие их взаимоисключающих инте-

ресов и позиций, направленное на реализацию собственных целей. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что коммуникационный конфликт – предельный случай обострения социально-коммуникативных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между объектами и субъектами коммуникации, направленный на достижение социальных, духовных, экономических и политических интересов и целей, на подавление действительного или мнимого соперника, ограничение реализации его личных интересов.

С.К. Шайхитдинова считает, что «медиа сегодня – это средства коммуникации, инструмент для ведения информационных войн, “промывки мозгов” и манипулирования общественным мнением»². Важным становится осознание информационных войн как продукта информационной революции. Информационное противоборство возникает с целью нанесения ущерба критически важным структурам противника, подрыва его политической и социальной системы, а также дестабилизации общества и государства. Информационная война является выражением коммуникационного конфликта, она концептуально оформлена, представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов и реализации национальной политики. Она использует все возможности и нацелена на факторы уязвимости, неизбежно возникающие в условиях возрастающей зависимости от информации, проводится как в мирное, так и в военное время. Манипулятором информационных войн является информационная элита. Элиты в пространстве информационных войн – специально создаваемые органы, организации и учреждения, призванные осуществлять разработку и реализацию военно-информационных отношений государства при помощи активного использования новых коммуникационных технологий, способных воздействовать на сознание противника. Объектом внимания становятся информационные системы (включая соответствующие

линии передач, обрабатывающие центры и человеческий фактор этих систем), а также информационные технологии, используемые в системах вооружений. Информационная война имеет наступательные и оборонительные составляющие, но начинается с целевого проектирования и разработки своей тактики, обеспечивающей лицам, принимающим решения, осязаемое информационное превосходство. В силу своей глобальности информационные войны становятся сейчас одним из средств достижения власти. В данном случае речь идет о конфликте информационных элит. Но с другой стороны, владение информацией – один из способов совершенствования социальных отношений. Здесь война – не конфликт противоборствующих элит, а одно из средств надления информативностью общества, его качественного изменения.

Результатом тотальной информатизации становится новая виртуальная реальность как компьютерная симуляция реальных вещей и поступков, которая существенно влияет на жизнь и культуру социума, генерируя новый тип социально-коммуникативной реальности и новый тип социального индивидуума как субъекта виртуальной культуры. Нахождение в виртуальной реальности небезопасно для личности, поскольку имитация действительности есть своеобразный психологический инструмент воздействия на сознание и подсознание человека³. По мнению В.В. Афанасьевой, «Номо Virtualis являются создателями, носителями и потребителями виртуальных культурных и социальных феноменов»⁴. У виртуальной личности особые, условные антропные характеристики, нетривиальные идентификация и самоидентификация.

Решение проблемы идентичности в пространстве коммуникационного конфликта имеет первостепенное значение для раскрытия мотиваций виртуального человека. Идентичность – это процесс отождествления индивида с социальными образцами поведения. Э. Тоффлер утверждает, что в эпоху всеобщей компьютеризации настало время «модульного человека». В виртуальном прост-

ранстве человек заменяет свое Я, свою индивидуальность изменчивым мозаичным набором частичных идентичностей, которые предлагают современные медиа. Посредством своих информационных сценариев, подбором «героев дня», сюжетных картинок и других приёмов медиа представляют нам специфические стратегии поведения различные групп, вызывающие у нас желание идентифицироваться с ними или быть в оппозиции к ним⁵. С помощью виртуальных средств происходит реальное структурирование социокультурного пространства⁶. Информационная глобализация воздействует на все уровни социальной структуры. На самом ее вершине уже возникла информационная виртуальная элита, в состав которой входят квалифицированные специалисты, деятели Интернета, международные менеджеры. Характеризуя их психологический облик, американский культуролог М. Фезерстоун пишет, что им присущи разрыв с традициями соответствующей профессиональной среды, доминирование ценностей технической компетентности, меритократический этос, агрессивный стиль поведения⁷. В ходе такой коммуникации реализуются два процесса: с одной стороны, это внимание и восприятие, а с другой – реакция в форме принятия или непринятия информационного воздействия, выраженная в конфликте.

При определенных условиях отдельные представители правящей элиты (особенно встревоженные действиями других) полагаются на коммуникацию как средство сохранения власти. Здесь функцией коммуникации становится обеспечение информацией об активности и информационных возможностях других элит. Из-за опасности того, что основные каналы информации и знаний могут тайно контролироваться соперниками, допускается тенденция использования скрытого наблюдения и методов информационных войн, которые нацелены на подчинение сознания противника, дестабилизацию общества и государства. Удивительным становится то, что с виртуальными людьми, разрабатывающими тактику коммуникационного конфликта, у нас складываются такие же отношения,

как с друзьями, соседями и коллегами. Вместо реального человека сегодня волнуется, страдает, ненавидит и восторгается виртуальный человек. Средства массовой информации аккумулировали подавляемые индивидами аффекты и влечения – в сферу публичности сейчас вынесены самые сокровенные темы и сюжеты.

К. Ясперс, исследуя современный ему мир, сделал вывод о том, что отличительной чертой современности является разбожественность мира и принцип технитизации, благодаря которым становится возможной связь и единение в невиданных до сих пор масштабах. Подлинная коммуникация связана с самосознанием и сознанием личности. Она должна трансформироваться в философскую веру, которая сама есть «глубочайшее откровение»⁸, вера в беспредельную коммуникацию. Более того, философ утверждает, что наряду с подлинной коммуникацией существует псевдокоммуникация, которая является просто процессом связи и передачи информации и проявляется в трех сферах: управлении, технитизации и массовой коммуникации. Здесь нравственным критериям отводится второстепенная роль.

Виртуализация действия (подмена эмпирического опыта личности опытом представления и созерцания того, как переживается этот опыт на экране) фактически означает самоотчуждение человека, лишение его целостности, атрофию самокритичности. Опасность заключается в очевидности тенденции к стиранию различия между виртуальным и реальным миром.

Жизнь и смерть в виртуальном пространстве лишаются тайны, которой они наделены в действительности, где есть место сакральному и профанному, вечному и случайному. Виртуальные люди, находясь в виртуальном пространстве, не имея ни опоры в религии, ни веры в человека, перестают ощущать экзистенциальное в себе, видят только обыденность жизни и смерти. Обыденность смерти означает ослабление психологического барьера перед агрессией: идея лишения жизни, идея смерти другого может стать средством для достижения «более вы-

соких» целей⁹. Так происходит и в информационной войне, где главной целью становится достижение власти над противником, подавление его жизненных потенциалов. При этом человек, использующий информационное оружие, чаще всего не идентифицирует себя с агрессором, не осознает опасности своих поступков и не отвечает за них. Специалист информационной войны обязан постоянно осуществлять контроль своих действий, соблюдать все известные требования конфиденциальности, постоянно самосовершенствоваться. Это человек, уверенный в себе и в своих силах. У него своя собственная система получения информации, что говорит о скрытности и осторожности. Таким образом, информационная война диктует свои особые экзистенциальные характеристики тому, кто попал в виртуальную реальность. Потребности и мотивы виртуальной личности почти не регулируются культурой, системой традиций, нормами и ценностями той социальной среды, в которой он реально себя позиционирует. Здесь можно выделить угрозу амбивалентности личности, участвующей в разработке информационной войны. Амбивалентность (от лат. *ambo* – оба и *valentia* – сила) выражает двойственность существования социальных субъектов, влияние противоположных сил, объединенных человеческими качествами. Амбивалентный человек в пространстве информационной войны, с одной стороны, находится в виртуальном пространстве, использует виртуальное оружие в своих действиях, а с другой – реализует себя в реальной действительности.

Таким образом, информационная глобализация – это резкое расширение того социального и коммуникационного пространства, в котором реализуются разнородные связи людей и детерминация когнитивной и мотивационно-ценностной сфер их сознания. На другом уровне эта глобализация служит дополнительным мощным фактором разнообразных социальных трансформаций, дифференциации общества. С одной стороны, формируются виртуальное пространство, новые информационные элиты, которые борются за власть, используя новейшие коммуникаци-

онные технологии. Получают распространение коммуникационные конфликты, происходящие между элитами, носящие разрушительный характер. С другой стороны, информационная глобализация стимулирует распространение не только новых типов экономической деятельности, технологии, информации, образа жизни, но и все более разнородных культурных моделей, жизненных смыслов, мотиваций и ценностных ориентаций личности. Этот вывод подтверждает необходимость философского исследования механизмов и систем коммуникационного конфликта. Решением проблем, связанных с данным конфликтом, может стать, во-первых, диалогичность процесса коммуникации: понимание факторов, влияющих на коммуникацию, и способы осмысления людьми риска конфликта и рискованной информации; во-вторых, эффективный обмен информацией в целях улучшения взаимопонимания между людьми; в-третьих, формирование согласия по ряду сложных и спорных вопросов при обеспечении учета интересов различных заинтересованных сторон. Исследование концептуальных оснований коммуникационного конфликта может привести к установлению понимания и толерантности в обществе, в индивидуальном и общественном сознании.

Примечания

¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. М., 2004. С.9–10.

² Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена отчуждения / С.К. Шайхитдинова. Казань, 2004. С.13.

³ См.: Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия / И.Н. Панарин. М., 2004. С.242.

⁴ Афанасьева В.В. Виртуалистика / В.В. Афанасьева. Саратов, 2008. С.76.

⁵ См.: Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. М., 2002. С.110.

⁶ См.: Волкова Ю.Г. Социология / Ю.Г. Волкова, И.В. Мостовая. М., 1999. С.205.

⁷ См.: Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / М.С. Горбачев [и др.]. М., 2003. С.344.

⁸ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М., 1991. С.507–508.

⁹ См.: Шайхитдинова С.К. Указ. соч. С.188.